

Александр Грин

Табу



Александр Грин

Табу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=314212

Аннотация

«Положение писателя, не умеющего или не способного угождать людям, должно внушать сожаление. У такого художника выбор тем несколько ограничен, так как настроенный антихудожественно к обычным проявлениям жизни – болезни, радости, горю, любви, труду, страстям и так называемым «достижениям» – человек становится более противосоциальным явлением, чем профессиональный убийца. Не может быть ничего оскорбительнее для читателя, как равнодушие к его нуждам...»

Содержание

I	4
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Александр Степанович Грин Табу

I

Положение писателя, не умеющего или не способного угождать людям, должно внушать сожаление. У такого художника выбор тем несколько ограничен, так как настроенный антихудожественно к обычным проявлениям жизни – болезни, радости, горю, любви, труду, страстям и так называемым «достижениям» – человек становится более противосоциальным явлением, чем профессиональный убийца. Не может быть ничего оскорбительнее для читателя, как равнодушие к его нуждам: это понятно; вместе с тем писатель антисоциальный не может принудить себя к гуманистическому изображению быта; то, что он пишет, замкнуто само в себе, подобно ударам колокола в глухой пещере. Однако известен случай, когда именно такой писатель стал популярен, – я привожу здесь его собственный рассказ об этом странном, если не более, происшествии.

– Мы отплыли, – сказал мне Агриппа, – отплыли из Калькутты с самыми зловещими предзнаменованиями. Во-пер-

вых, с парохода бежали крысы. Во-вторых, на очередной пассажирский рейс в разгаре сезона прибыло так мало пассажиров, что две трети кают остались пустыми. В-третьих, механик, накануне отплытия, видел себя во сне ползающим на четвереньках перед Нептуном; морской бог, по словам механика, яростно грыз свой трезубец. «Факты и комментарии!» Фламарион¹ с достоверностью утверждает, что на кораблях, обреченных катастрофе, пассажиров всегда меньше против обыкновенного; знаменитый астроном приписывает это неосознанному предчувствию, однако с большей уверенностью можно наградить странным предчувствием крыс. Во всяком случае, я, как человек научно суеверный, посетил нотариуса и общество страхования жизни и – вы увидите далее – поступил правильно, так как могло быть хуже, чем вышло.

На восьмой день нашего плавания мы потерпели классическое кораблекрушение, по всем правилам этого печального дела. Схематически можно выразить это так: туман, риф, пробоина, град проклятий, охрипшие голоса, шлюпки и неизменный, одиноко тонущий капитан наш не составлял исключения. Все это произошло на рассвете. Настроенный злорадно по отношению к обществу страхования жизни, я, тем не менее, не захотел увеличить своей особой список ужасных премий и, насколько хватило соображения, стал измышлять средства.

¹ Фламарион, Камиль (1842–1925) – французский астроном и популяризатор науки, автор ряда романов на темы астрономии.

Само собой понятно, что мне, при моей медленности и неповоротливости, не удалось пристроиться ни в одну шлюпку. Закон человеколюбия превратился в грубую солдатскую дисциплину, прозевавший команду терял связь с ходом массового спасения. Да, вышло так, что я остался на палубе, и, по правде сказать, у меня не хватило духу прыгнуть в последнюю, переполненную лодку, – может быть, я потопил бы ее своей тяжестью. Капитан, честный, как большинство из них, стоял у трубы, скрестив на груди руки. Лицо бедного малого напоминало взволнованное море, ему, конечно, страшно хотелось жить, но положение обязывает – приходилось идти ко дну. Однако, постояв еще минуту-другую и, видимо, волнуясь все более, капитан, бросив на меня взгляд, выражавший некоторое смущение, бултыхнулся в воду и поплыл к ближайшей шлюпке, где его, мокрого, втащили на борт, а я, охваченный непонятным равнодушием к жизни, уселся на его месте, рассматривая в бинокль переполненные людьми лодки, которые даже при несильном волнении неизбежно должны были пойти ко дну. Таким образом, у меня было сомнительное утешение – потонуть с комфортом и на просторе, тогда как мнимоспасшимся предстояло в бурную погоду пойти ко дну ужасной гирляндой, хватаясь друг за друга, как за соломинку.

Пароход, раскачиваясь от перемещавшейся в трюмах воды, погружался медленно и безостановочно. Я, вытащив карманную библию, читал книгу премудрости Соломоновой; не

будучи человеком религиозным, я, тем не менее, из понятной хитрости делал это на всякий случай. Закрыв библию, я стал думать о смерти, но, к удивлению своему, так вяло, что оставил этот предмет и занялся рассматриванием океана. Очень далеко, на линия горизонта, белел парус. Ранее его не было, из чего я без труда заключил, что судно не удаляется, а приближается, но трудно было сказать, сколько времени пароход останется над поверхностью воды. Думая, что это может случиться неожиданно и не желая попасть в могущую образоваться воронку, я сам бросился в воду, отплыв шагов на сто; пробковые нагрудник и пояс хорошо держали меня. В таком положении я стал ожидать спасителя, оказавшегося туземным рыбачьим судном, и через час был принят на борт. Тем временем пароход исчез в глубине океана, образовав, как я и ожидал, шумный водоворот, родивший множество мелких волчков-воронок, разбежавшихся под синим утренним небом с тихими всплесками.

II

Законы гостеприимства вынужденного – не совсем то же, что званый вечер; однако я не могу сказать, что чернокожие Аполлоны, провонявшие рыбой и чесноком, держали меня в черном теле. Попытки разумных, взаимных объяснений с помощью жестикуляции и щелканья языком не привели ни к чему – мы так и не разговорились, после чего, будучи оставлен в покое и утолив голод вареной рыбой, я крепко уснул. При слабом, но ровном ветре судно быстро скользило вперед, держась одного курса; шум рассекаемой форштевнем воды, глухие голоса дикарей, нестройные звуки дикого инструмента вроде волынки и скрип реи скоро усыпили меня. Я лежал в кормовой части, среди рыбьих костей, неубранных деревянных чашек и тряпок – рядом с моим лицом топали босые ноги рулевого, а надо мной двигался румпель.² Я заснул, полный странного равнодушия к дальнейшей своей судьбе и перенесся в страну видений, полных грозной таинственности, по пробуждении же не мог ничего вспомнить. Когда я проснулся, была ночь, передо мной на корточках сидели два чернокожих и рассматривали меня с большим увлечением. Один, ударив меня по плечу, сказал: «Като-то... като» – и засмеялся. По тону голоса я заключил, что ко мне

² Румпель – рычаг для поворота руля.

относятся дружелюбно. Скоро подошли и другие, и снова завязался трудный разговор на двух языках; однако, желая выяснить направление и цель нашего путешествия, я добился того, что один из дикарей, показав на юг, вытянул три пальца и пригнул их, затем, очертив рукой в воздухе окружность, сказал: «Орпозо», что, по-видимому, было названием местности. Из всего этого я пришел к выводу, что судно плывет на юг, и через три дня будет в «Орпозо» – должно быть, какой-то остров.

Я не буду описывать однообразия нашего плавания, так как при одном воспоминании о духоте зноя, рыбной вони и непобедимой от безделья сонливости мне становится скучно. Разумеется, во всем этом есть много интересных бытовых подробностей, но, не состоя этнографом, оставляю быт дикарей перу неутомимых исследователей, знающих это дело. Я же, будучи от природы не склонен к изображению домашней утвари и обычаев, перейду к главному. Утром третьего после моего спасения дня мы, держась вблизи высокого неизвестного для меня берега, обогнули его в южной части, лавируя среди островков, так круто и живописно изрезанных маленькими лагунами, что я, по неопытности, постоянно принимал устья их за целую сеть проливов и убеждался в ошибке, лишь заглянув в сияющую округлость их, полную скал и блеска. Сохранив и высушив свой костюм, я представлял, стоя с заложенными в карманы руками, странное среди голых и черных тел зрелище; по контрасту это до-

ставляло мне известное невинное удовольствие. Насвистывая «Сон негра», я любовался царством первосказанной красоты, любимейшей матери людей – природы, исходящей лучезарными улыбками океана, серебристыми, лиловыми оттенками берегов, дивной прозрачностью воды, беспричинной, полной радости света, обмывающего в зеленоватой глубине воли плавники дельфинов, раковины, орхидеи и камни, отполированные столетиями столетий. В это время, вылетая на длинных веслах из дремотных лагун, несколько десятков пирог, полных вооруженными туземцами, образовали сомкнувшийся полукруг, и я услышал непередаваемый вой, способный внушить навсегда отвращение к человеческому голосу. Хозяева мои бросились к парусам, но было уже поздно, судно хоть и имело сзади открытый путь, неизбежно выйдя из ветра, остановилось бы в галсе, впереди же плотной, щетинистой от копий и щитов цепью надвигались враги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.